

ВРЕМЯ НЕВИДИМОЕ

(Научно-фантастический рассказ)

Со всех точек зрения планета была гладкой, как бильярдный шар. И столь же неинтересной.

Иной она быть и не могла. Планета металась по сумасшедшей орбите, раздираемая притяжением двух мощных светил. Приближаясь к голубой звезде, она окуналась в испепеляющую жару. Багровый гигант уводил ее в ледяную ночь. Из огня да в полымя — и так раз в три земных года. Убийственная карусель!

Но планета значилась в программе исследований. Следовательно, ее надо было посетить. Правда, Ручьев с самого начала был против. В свое время он изучал ее, — издали, разумеется, — лет пять, теперь одно ее упоминание вызывало у него зевоту. Еще бы, все, что о ней можно было сказать, он уже знал. А много ли можно сказать о совершенно гладкой планете с очень разреженной атмосферой и без малейших признаков жизни? Тем не менее Ручьев написал о ней фундаментальный труд. Но в космосе творилось столько интересных дел, что никто не обратил внимания на скучную монографию.

Ручьев обиделся и свою обиду перенес на планету.

Меня эта планета тоже не привлекала. Я был молод, рвался к открытиям... Сами понимаете... Утешением мне был мной же придуманный афоризм: «Во Вселенной есть много дыр, и эта еще не самая худшая!».

А Силуянов... Я его знал недолго, но был уже твердо убежден, что его вообще никакая планета не интересует. Кроме той, разумеется, где в данную минуту находится его письменный стол. И то лишь в той мере, в какой она могла служить опорой столу. Ибо Силуянов был теоретиком. Говорят, отличным. Не знаю. Его работы казались мне блестящими, но нежизненными абстракциями.

Вероятно, мы все были просто избалованы. Когда человек попадает в сказочную пещеру сокровищ, он спешит от одного сверкающего камня к другому, отшвыривая невзрачные. Это естественно.

В таком настроении наша троица улетела к Радужной планете. Часа два

мы кружили над ее поверхностью, пока Ручьев не сознался:

— Если мы сейчас не сядем, я усну.

Я его прекрасно понимал, потому что у меня самого слипались глаза. Думаете, у вас они были бы широко открыты? Попробуйте-ка долго рассматривать бесконечный ковер, сотканный из однообразно повторяющихся красных и голубых пятен... Хоть бы пригорок какой-нибудь был па этой планете! Куда там! Плоская равнина, пятна теней на легких неровностях и наш корабль, будто приколотый к темно-фиолетовому куполу неба.

Мы высадились, сели в вездеход и отправились на разведку.

Не знаю, что тут было разведывать... Песок и камень, камень и песок. Неподвижные облачка в небе, как дыхание на морозном стекле, застывшие диски солнц, безветрие, головокружительная тишина.

— Тут всегда так? — спросил я, ввинчивая в почву каблук и тщетно надеясь услышать скрип песка.

—Ну нет, — отозвался Ручьев.— Сейчас мы находимся между двумя солнцами. Вскоре здесь будет ад. Кипящая атмосфера. Не знаю, что лучше.

—Воздух и сейчас неспокоен, — поправил Силуянов. — Глядите.

Да, слева от нас воздух мерцал. В нем струились тени. Прозрачный лес колышущихся струй.

—Посмотрим ближе? — предложил я.

—Стоило тащиться, чтобы изучать обычные колебания нагретого воздуха, — проворчал Ручьев, но двинулся следом.

— Как-никак единственное проявление жизни здесь, — сказал я, чтобы хоть что-нибудь сказать. Мы стояли у края площадки, над которой танцевали струи воздуха. Если бы прозрачное стекло могло течь, я бы поклялся, что мы видим даль именно сквозь стекло, то мутнеющее в узоры, то вновь просветляющееся.

—В моей монографии... — начал было Ручьев и вдруг дрыгнул ногой.

—Гм... — сказал Силуянов.

—Она сама... Честное слово...

—Угнетающее влияние пейзажа на нервную систему...

Я подпрыгнул на полуслове. Не пойму, как это случилось. Будто кто-то мне дал увесистый шлепок сзади.

Силуянов мрачно взглянул на нас обоих.

— Экспедиция паяцев, как это вам нравится?

Уймите, пожалуйста, нервы. На сегодня, я считаю, достаточно аттракционов. Пора возвращаться.

Мы покорно повернулись и разом вскрикнули. Нашего вездехода не было!

Галлюцинация!/? Нам стало не до шуток. Топоча, как стадо слонов, мы кинулись к тому месту, где пять минут назад стоял вездеход. Ошибки быть не могло: это то самое место. Вот и следы гусениц.

Тщетно, однако, мы шарили руками в воздухе, — вездеход как будто испарился.

Отдышавшись немного, мы несмело переглянулись. Мы ждали, что скажет Ручьев. Как-никак знаток... Но он лишь развел руками.

— Ничего не понимаю...

Все это было очень нелепо. У троих ученых среди бела дня, на их, можно сказать, глазах пропал вездеход!

— Вы уверены, что здесь нет никаких существ? — спросил Силуянов.

Тот энергично замотал головой.

— Но не мог же вездеход исчезнуть сам собой! — воскликнул я.

Силуянов упорно смотрел себе под ноги. Как будто кроме песка и камня он ничего интересней в жизни не видел.

— Это наваждение... — схватился руками за голову Ручьев, — нас

засмеют. Нельзя же всерьез думать, что вездеход кто-то увел. На этой мертвой планете, ха-ха...

— Не думаю, — медленно и веско произнес Силуянов. — Пока мы туг ходим, они, верно, уже несколько месяцев следят за вами.

Сказано это было так, что, несмотря на чудовищную дикость его слов, нам в голову не пришло, что он шутит или что он сошел с ума.

По-прежнему мертвая тишина окружала нас. По-прежнему над пустыней холодно сияло фиолетовое небо. По-прежнему неподвижно лежали тени. Но теперь мы внезапно почувствовали — из этого молчания, из этой тишины исходила угроза. Непонятная, необъяснимая, не пенящая.

— Да, здесь опасно, — словно отвечая на наши мысли, продолжал Силуянов. — Очень. И, кажется, мы бессильны что-либо изменить.

Секунду помолчав, он добавил без всякой видимой связи с предыдущим:

—Они маленькие.

—Но я не понимаю... — растерянно начал Ручьев.

—Хватит! — резко оборвал его Силуянов.

В иной обстановке уже одно это несказанно поразило бы нас. Никто не подозревал, что Силуянов способен на окрик. Он всегда казался мне беспечным путником, который, презирая дороги,

бродит ему только плечами. ведомыми тропинками и чащобой, чтобы в конце концов выйти на магистраль, смущенно протягивая встречным букет, нивесть где и как сорван них, идей.

— Ко мне! — кричал Силуянов. — Быстро! Спина к спине! Это наш единственный шанс! Теперь делай, как я.

Он выхватил лучевой пистолет и высоко поднял его над головой. Последняя конструкция этого пистолета, как известно, может бросать узкий луч, в миллиардную долю секунды убивающий все живое, но может создавать и широкую завесу. Силуянов поставил завесу. Прозрачная огненная ткань коснулась почвы, и камень вспыхнул. Точно его полоснули бритвой, и из пореза языками рванулось зеленоватое пламя. Не понимая, зачем это нужно, мы сделали то же самое. Теперь мы находились внутри полупрозрачной огненной палатки. Силуянов торопливо вызывал ракету.

—Продержимся ли мы те пять минут, пока не придет ракета, не знаю, — сказал Силуянов, выключая динамик. — Но если я прав, они не смогут или не успеют.

—Если вы думаете, — возмущенно фыркнул Ручьев, — что нам угрожают какие-то существа, то это чушь. Это противоречит всем законам! И почему, наконец, если они есть, мы их не замечаем?

Силуянов пожал

плечами. —А в вашей монографии нет цитаты, что время — свойство материи?

—Н-нет, но я не вижу...

—Тогда протрите глаза!

На кромке песка за огненной чертой виднелись небольшие овальные ямки. Готов поклясться, что их не было секунду назад!

—Неужели это?..

—Да, это их следы. Их, вероятно, тут много.

Ручьев поглядел на отпечатки. Они действительно множились.

—Ага! — хрипло проговорил он. — Я, кажется, начинаю понимать. Их тела пропускают свет. Это невидимки.

—Не думаю, не думаю, — саркастически усмехнулся Силуянов. — Они невидимки только для нас.

Станный начался спор! Я не мог в нем участвовать. Под завесой было нестерпимо жарко, даже в термостойком скафандре. Пот щипал лицо, колотилось сердце, я едва держался на ногах. А они, казалось, не обращали внимания ни на жару, ни на нелепость нашего положения. Увлеченность кое-чего стоит...

Я ничего не понял из их спора. Да они и сами вряд ли тогда поняли друг друга. Опоздай ракета, мы бы неминуемо сварились. Но ракета не опоздала. Мы сели и умчались прочь от Радужной планеты. Только удалившись от нее, мы немного пришли в себя.

Теория Силуянова...

Впрочем, можно ли это назвать теорией? Все случившееся с нами так странно, необычайно. Еще необычайней теория Силуянова. Судите сами.

Время есть форма существования материи. Материя едина, но формы ее организации в вещество различны. Значит, и формы времени различны. Человек, летящий в ракете с субсветовой скоростью, живет год, а на Земле тем временем проходят тысячелетия. Это общеизвестно. Если бы он мог видеть Землю, он наблюдал бы, как зерно в течение нескольких минут прорастает, дает колос и уходит под снег.

Но все путает привычка считать наше земное время эталоном для космоса. Даже не земное, а человеческое время. День для нас мало, год много. А для бабочки-однодневки даже минута — вечность. На Радужной планете то чересчур жарко, то чрезмерно холодно. Поэтому жизнь на ней развивается в миллионы раз быстрее, чем на Земле. Мы не видели деревья, которые росли у нас под носом, и стволы которых даже заставили нас разок-другой подпрыгнуть. Мы не видели существ, утащивших наш вездеход, как не видим летящей пули. Они живут быстрее нас настолько, что находятся вне нашего восприятия. Только такая жизнь и могла существовать на этой планете, только так она могла уцелеть при

прыжках из холода в огонь. Ведь огонь необязательно испепеляет, а холод замораживает. Все зависит от времени его действия. Мы можем пронести руку невредимо сквозь пламя газовой горелки, если не задержим движения. Вот так же и жизнь Радужной планеты проскакивала сквозь неблагоприятные условия.

Должен сознаться: меня привлекает теория Силуянова. Она хорошо объясняет случившееся с нами. Конечно, у нее масса уязвимых сторон. Каким образом, например, молекулы живой ткани ускорили в миллионы раз свое движение сравнительно с движением молекул неорганического вещества? Силуянов только пожимает плечами: «А почему вы думаете, что живое там устроено так же, как и на Земле? Опять та же ошибка, мерить все земной меркой...»

Короче, мы снова собираемся на Радужную планету. На эту «Скучную планету», как звали мы ее раньше. Что до меня, я готов лететь туда сию же секунду...